

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ «ПОРТРЕТ» РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Е.Б. Шестопап

Елена Борисовна Шестопап, доктор философских наук, заведующая кафедрой политической психологии (отделение политологии) философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Руководитель проекта 03-06-87054.

Отношения между народом и властью ни в одной стране не складываются однозначно и просто. Но в России, очевидно в силу специфики нашей политической культуры, отношения граждан и власти чрезвычайно драматичны, независимо от того, какова действующая в каждый данный момент политическая система или режим.

В последние годы, как и ранее в периоды кризисов, жизнь вынесла вопрос о структуре и качестве власти — один из центральных вопросов политического развития — на повестку дня не только в смысле того, кто эту власть возьмет, но и с точки зрения того, как эта власть выглядит в глазах граждан. С одной стороны, граждане, привыкшие к патерналистским моделям взаимоотношения с властями, ожидают от них инициативы и возлагают на них всю полноту ответственности за происходящее в стране. С другой стороны, по мере продвижения демократической трансформации, власть все больше вынуждена заботиться о своем имидже, понимая, что на выборах ей придется расплачиваться не только за то, что удалось или не удалось сделать для населения, но и за то, в какой мере ей доверяет и симпатизирует обычный гражданин, ставший избирателем. Пожалуй, главное отличие нынешней ситуации состоит в том, что власть не может рассчитывать исключительно на силовые приемы: чтобы удержаться, ей необходимо понравиться народу. С появлением новых коммуникационных технологий, возникли и новые требования к власти, и новые способы ее завоевания. И все они основаны на политико-психологических закономерностях восприятия власти гражданами.

Одна из главных задач политической психологии — понять, как складываются отношения между гражданами и властью. А эти отношения в России конца XX — начала XXI в. были весьма драматичны: от обожания и поддержки в самом начале 90-х до совершенно негативных ее оценок в конце десятилетия. Остается лишь удивляться прочности режима, который безусловно поддерживало не более 4% населения. Впрочем, эта проблема должна волновать не только саму власть, перед которой стоит одна задача — удержаться, но и политологов, которые понимают, что никакие реформы не могут иметь долгосрочного характера, если насе-

ление мало того что не разделяет убеждений реформаторов, но, хоть и пассивно, сопротивляется им.

Если учесть, что один из важнейших ресурсов современной власти — это ее положительный имидж в глазах граждан, становится понятным, почему тема образов власти вышла на первый план в политической науке в целом и в политической психологии, в частности.

Исследование, представленное в данной статье, проводилось под руководством автора на протяжении десятилетия (в 1993, 1995, 1996, 1997, 2000 и 2001 гг.). Его основное направление — выявить наиболее распространенные среди рядовых граждан нашей страны представления о реальной и идеальной власти, о политиках, которые эту власть олицетворяют, о доверии и симпатии к власти, готовности ей подчиняться, о мотивах, которые, по мнению респондентов, побуждают политиков стремиться к власти, об уровне авторитарности и ряде других связанных с этой темой вопросов. Проект базировался на материалах опроса, тестирования, интервью*, которые и позволили нам создать своего рода «психологический портрет» российской власти периода правления Б.Н. Ельцина и начала правления В.В. Путина. С некоторыми результатами этого исследования мы и познакомим читателей.

Конечно, эти данные говорят об оценке роли оппозиции в конкретные моменты российской политической истории. В 1995 г. роль оппозиции возросла в связи с парламентскими выборами, на которых она получила большинство в Государственной Думе. Но по мере того, как власть (прежде всего исполнительная) укрепляла свое положение, диапазон возможностей оппозиции сужался. Так, с приходом нового президента в Кремль в 2000 г. для оппозиции, по мнению респондентов, осталось весьма мало места, при этом часть опрошенных считает, что некоторые партии власть могла бы и запретить. В их число попали в основном радикальные националистические партии (типа РНЕ) или леворадикальные (НБП Лимонова), но также и КПРФ, и ЛДПР и СПС. Подобная политическая нетерпимость к тем, кого граждане считают «не властью», говорит не только о существующем в обществе потенциале авторитарности, но и о реальном раскладе сил между властью и оппозицией, косвенно свидетельствуя о том, что власть занимает практически две трети политического пространства.

---

* Основу количественной части исследования составил опрос по двум анкетам. Анкета 1 — это оригинальный, специально разработанный автором опросник. Анкета 2 — стандартизованный тест на локус контроля Дж. Роттера, представляющий собой тест, выявляющий ориентацию человека на внешние или внутренние стимулы в поведении. Обе анкеты обрабатывались параллельно по каждому респонденту. Выборка на разных этапах исследования была случайной, не имела репрезентативного для всей России характера, хотя и была уравновешена по полу, возрасту и образованию. Большая часть замеров проводилась в Москве, но имеются также выборки по Иркутску, Братску, Ангарску, Владимиру и Смоленской обл., хотя в количественном отношении они не равнозначны (в Смоленской обл. опрошено около 1000 респондентов, в Иркутской — только около 300). На отдельных этапах решались разные задачи, однако в целом все опросы проводились в соответствии с общей логикой и дают вполне сопоставимые данные.

Границы власти

Прежде всего посмотрим, как разводят респонденты понятия «власть» и «оппозиция». Об этом можно судить, например, по тому, как опрошенным видится роль оппозиции в нынешней политической системе (рис.1).

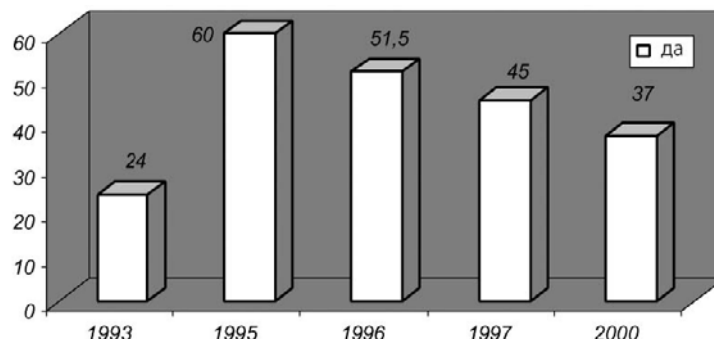

Рис.1. Считаете ли вы, что оппозиция играет в российской политике конструктивную роль?

Власть — подчинение

Помимо определения границ власти, политико-психологический анализ предполагает установление характера отношений между носителями власти и теми, кто ей подчиняется: добровольность или вынужденность, доверие или недоверие, симпатия или антипатия. Одним словом, набор эмоциональных оценок весьма широк.

Определяя границы власти, наши респонденты прежде всего четко фиксируют свое отношение к разным ветвям власти, причем делают это, как заправские профессионалы-политологи (табл.1). Оговоримся, что в данном исследовании сравнение ельцинского и путинского периодов было затруднено тем, что вопросы ставились не вполне идентичные: до 1997 г. мы спрашивали о доверии политическим институтам, а в 2000 и 2001 гг. — о том, какие из институтов имеют реальную власть. Но о степени влияния разных ветвей власти и институтов оба эти вопроса судить позволяют.

Массовые представления о власти связаны прежде всего с исполнительными структурами — институтом президентства (сам президент и его администрация, представители президента в округах, правительство, городская власть в лице мэров). В исследовании 2001 г. четверть опрошенных отметила, что их доверием пользуется ФСБ, о чем раньше они никогда не упоминали.

Судебная власть в глазах респондентов занимает лишь восьмое место, хотя доверие к ней и ее влияние тоже росли на протяжении десятилетия. Прокуратура в последние годы резко выдвинулась в сознании общества на передний план и занимает среди различных властных

структур пятое место; заметим, что во всех предыдущих исследованиях (1993, 1995, 1997) она находилась в самом конце списка политических институтов.

Значительно меньшее значение придают наши респонденты законодательной власти (Государственной Думе, Совету Федерации, Госсовету), политическим партиям.

Кто или что есть власть в России? Этот, казалось бы, простой вопрос вызывает даже у наших политологов и политических социологов немало разногласий по части властных институтов, не говоря уже о персоналиях с их рейтингами.

Начнем с того, как изменилась расстановка сил за последние годы не в реальной политике, а в ее отражении в сознании масс. Накануне избрания Ельцина президентом на второй срок чуть более трети опрошенных полагали, что у института президентства есть реальная власть (табл.2). В 2001 г. число тех, кто убежден в реальности президентской власти, составило уже 84,8% опрошенных. (Здесь следует заметить, что данные 2001 г., полученные в Смоленской обл., отличаются от данных 2000 г. по Иркутской обл. не только из-за временного интервала, но также из-за региональных отличий в состоянии массового сознания.) Таким образом, институциональный компонент власти напрямую связан с тем, кто исполняет политическую роль. Во всяком случае это очевидно в отношении роли президента.

Таблица 1
Каким государственным институтам вы доверяете? (По данным 1993–1997 гг.)
Есть ли реальная власть у следующих институтов? (По данным 2000 г.)
В % к числу опрошенных

Институты	Годы опроса				
	1993	1995	1996	1997	2000
Президент	48	51.1	35	23	79.7
Администрация президента	–	–	–	–	59.5
Представители президента в округах	–	–	–	–	29.2
Государственная Дума	32	14.9	19	15	24.9
Совет Федерации	12	12.8	11	13	17.7
Госсовет					10.6
Правительство	8	12.8	10	13	39.2
Суд	0	14.9	14	10	20.3
Прокуратура	0	8.5	11	8	28.7
Армия	4	19.1	14	18	15.6
Муниципальные власти	4	10.6	13	27	25.7
Политические партии	8	25.5	16	7	9.7
Олигархи	–	–	–	–	7.9

Примечательна динамика восприятия как самого института президентства, так и обслуживающей его администрации. Если в середине 90-х влияние администрации отмечалось экспертами, но оставалось практически не замеченным широкой публикой, то в 2000 г. оно признается более половиной опрошенных. Среди лиц, оказывающих существенное влияние на политику в России, респонденты называют как саму администрацию президента, так и лично А.С. Волошина, который занимает четвертое место среди тех, кого вспомнили респонденты.

Стоит отметить, что за прошедшие годы укрепили свое влияние и правительство, и Дума, и Совет Федерации. Правда, говорить о развитии парламентаризма следует, видимо, с осторожностью, учитывая падение роли политических партий.

На предложение расширить наш заведомо неполный список институтов власти респонденты ввели еще три основные группы: это, во-первых, **олигархи** и **финансовые группы**, во-вторых, различные **мафиозно-криминальные группировки**, в-третьих, **силовики** (МВД, ФСБ и другие спецслужбы, среди которых армия не фигурирует).

В 2000 г. мы провели факторный анализ ответов на вопрос: какие из властных структур имеют большее влияние в России? Этот метод подтвердил наши выводы: все структуры власти распадаются в сознании граждан на три группы. Первую составляют институты исполнительной власти (90,8%), вторую — силовые структуры и судебные органы (армия, ФСБ, прокуратура, суд — 38,5%), в третью попадают институты политического представительства (органы законодательной власти — 34,3%).

Таблица 2
У каких политических институтов есть реальная власть в сегодняшней России?
В % к числу опрошенных

Институты	Годы опроса		
	1996	2000	2001
Президент	35	78.7	84.8
Губернатор	–	–	40.0
Правительство	10	38.9	33.3
Администрация президента	–	58.6	28.1
Государственная Дума	19	24.7	25.9
ФСБ	–	0.8	25.8
Совет Федерации	11	17.6	18.6
Суд	14	20.1	17.9
Прокуратура	11	28.0	16.6
Представители президента в округах	–	28.9	13.3
Армия	14	15.5	12.2
Муниципальные власти	13	25.5	10.0
Госсовет	–	10.5	6.1
Политические партии	16	9.6	4.7
Что-то еще	–	–	3.1

Какую же власть готовы над собой признать наши граждане? Ответ на этот вопрос дает рис.2. Приведенные в нем данные рисуют довольно противоречивую тенденцию. С одной стороны, в 2000 г. возросла, хотя и не резко, готовность граждан признать над собой власть государства. Однако законы, которые устанавливает это государство, признают далеко не все граждане (во всяком случае их меньше, чем в 1993 г.). Опыт последнего десятилетия научил респондентов быть осторожными с той властью, которую хотели бы над ними получить отдельные граждане.

Изменились за прошедшие годы и внутренние установки россиян на власть, отношение к любым ее проявлениям. Об этом дают представление те косвенные свидетельства, которые содержатся в рис.3.

Психологические изменения во взаимоотношениях с властью хорошо видны на примере отношений типа учитель-ученик, которые касаются таких интимных сторон, как отношения с собственными детьми. Динамика этих показателей красноречиво свидетельствует о том, что равенства и партнерства в нашей жизни становится все меньше, а патернализма — все больше. Характерно, что в 2000 г. были готовы подчиняться только 5% респондентов, между тем как управлять предпочитали 22%, а 41% не хотели ни управлять, ни подчиняться. Причем последняя, самая большая, группа опрошенных численно все время уменьшается (в 1995 г. — 60%).

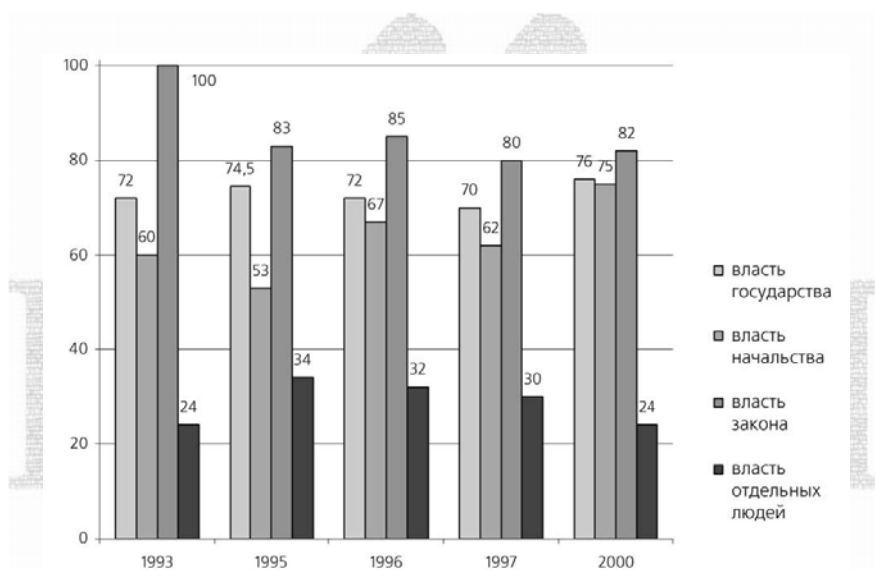

Рис.2. Признаете ли Вы над собой власть?.. (Можно было дать более одного ответа.)

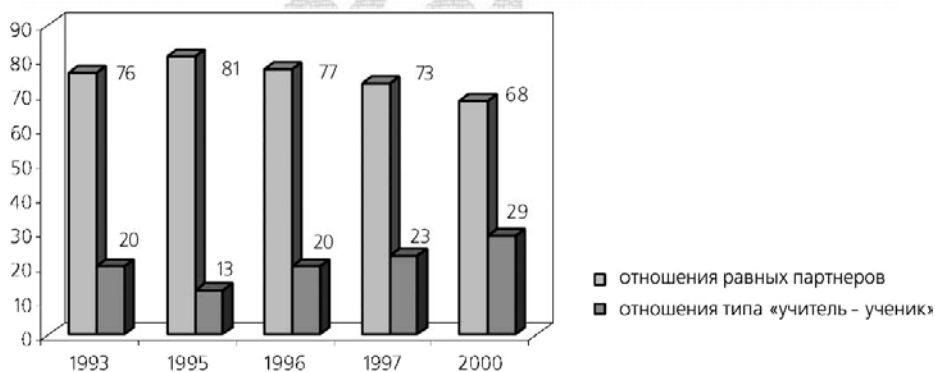

Рис.3 Каким отношения Вы хотели бы иметь со своими детьми?

Власть в центре и в регионах

Пожалуй, наиболее существенные различия в образах власти наблюдаются при сравнении центральной и региональной властей. Такое впечатление, что речь идет о разных странах, что, возможно, не так уж далеко от реальности. Прежде всего репутация центральной власти — чрезвычайно негативная в годы правления Ельцина — несколько выправилась с приходом Путина (табл.3). По отношению к региональной власти этого не наблюдается: только четверть опрошенных дали ей положительные оценки; намного меньше и тех, кто относится к региональному начальству нейтрально в сравнении с центральной властью (17% против 28,5%). Местную власть граждане лучше разглядели, ее образ когнитивно богаче, хотя четкости в представлениях и здесь немного (11%). Гражданам было легче определить субъект региональной власти, чем субъект центральной (22,9% против 4%), а также назвать конкретных региональных лидеров (51,8%).

Таблица 3
Сравнение образов центральной и региональной властей (по данным 2001 г.)

Характеристики образа власти	Власть центральная	Власть региональная
когнитивно бедный	78.1	20.2
когнитивно богатый	21.9	56.9
четкий	4	11
размытый	96	62.8
наличие субъекта власти	4	22.9
отсутствие субъекта власти	96	45.0
партии, группы	0.7	17.4
лидеры, личности	3.3	51.8
режим (абстрактная система)	96	30.7
эмоционально положительный	48	25.2
эмоционально отрицательный	23.5	57.8
нейтральный	28.5	17.0

Психологические аспекты образов власти

В психологических характеристиках тех образов власти, которые выявлены в нашем исследовании 2000 и 2001 гг., отметим несколько параметров, значимых для понимания того, как видят граждане власть. Прежде всего речь идет об **эмоциональных** аспектах политического зрения (рис.4).

Если идеальная власть в сознании 55% опрошенных граждан имеет положительный эмоциональный знак и только 1% опрошенных приписывают ей знак минус, то реальную власть (в ответе на вопрос: «Власть — это...») оценивают позитивно всего 18% респондентов, а 34% описывают ее в исключительно негативных тонах. Это свидетельствует, очевидно, о том, что для власти «нормально» иметь не очень привлекательный вид. Любви от граждан властителям дожидаться сложно, хотя сами граждане хотят, чтобы власть их и любила, и заме-

чала, и заботилась о них. Как показало наше исследование, за представлениями о власти скрываются неудовлетворенные потребности (табл.4).

Если сравнивать реальную власть с ее идеальным прототипом, можно заметить, что материальные потребности значительно меньше влияют на образ идеальной власти. Еще более удивительно, что с материальными потребностями столь мало связан образ нынешней центральной власти, которую (особенно в регионах) считают ответственной за невыплату зарплаты, пособий и пенсий. Данные за 1996 и 1997 гг. показывают существенное изменение в восприятии власти: в начале-середине 90-х годов граждане гораздо чаще высказывали ожидание, что именно власть их накормит, обогреет и решит прочие материальные проблемы. Вероятно, под влиянием либеральной идеологии население постепенно приняло новые правила игры: власть оставляет за собой лишь минимум обязанностей по материальному обеспечению граждан, остальное отдано стихии рынка. Но если материальные ожидания граждан стали менее жесткими в отношении власти, то по части обеспечения безопасности этого не произошло: центральная и, чуть в меньшей степени, региональная власти обязаны, как считают респонденты, обеспечить населению безопасность. Интересно, что эта потребность не играет столь важной роли при определении образов как идеальной, так и «нормативной» власти (т.е. такой, какой она вообще бывает).

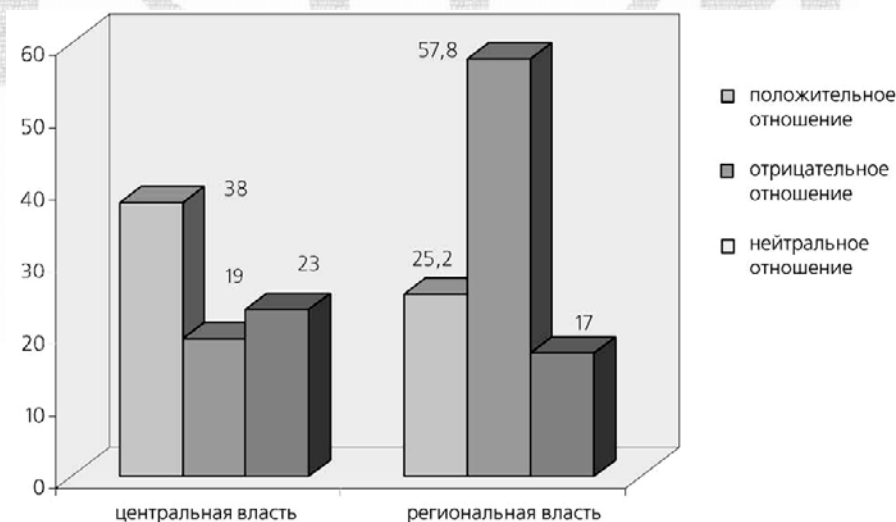

Рис.4. Эмоциональные оценки разных видов власти.

В политике потребность граждан в любви проявляется прежде всего в ожидании от власти и ее представителей заботы, внимания. Пределы этой потребности особенно наглядно демонстрирует образ идеальной власти, по сравнению с которой центральная выглядит весьма отчужденной. Власть на региональном уровне с этой задачей, по мнению респондентов, справляется — во всем виноват Центр. Обращает на себя внимание тот факт, что вес каждой

из потребностей, стоящих за образами идеальной и реальной власти, весьма различен. Так, граждане ожидают, что идеальная власть должна обеспечить в первую очередь безопасность и самоактуализацию (потребности в развитии личности через поддержку образования и культуры). Между тем то, что предлагают центральная и региональная власти, достаточно далеко от идеала. Центральная власть пока берет на себя ответственность за безопасность и немножко «кормит» народ, но явно не дотягивает до идеала по части образования и культуры, не обеспечивая необходимого уровня личностного развития. Правда, если сравнить идеал с «нормативной» властью, то увидим, что в целом действующие центральная и региональная власти не так уж и плохи.

Таблица 4

Потребности, связываемые с образами власти (данные 2001 г.)

Потребности	Центральная власть	Региональная власть	Идеальная власть	Нормативная власть
материальные	12.8	3.3	1.4	20.5
безопасность	60.1	56.0	36.2	23
любовь	6.9	21.7	21.6	2
саморсализация	9.0	15.2	9.1	23
самоактуализация	11.2	3.8	31.7	9

Рассмотрим **когнитивные** характеристики образов власти — прежде всего то, что связано с уровнем знания о власти и понимания ее функций. Так, бросается в глаза их *когнитивная бедность* (граждане дают малое число характеристик власти, и эти характеристики недетализированы). Причем это касается не только власти былой (что понятно — успели позабыть), но и нынешней (см. табл.3). Другая особенность — *нечеткость, размытость* образов: у большинства респондентов представления носят довольно абстрактный характер, особенно в том смысле, что под властью они понимают не конкретных лидеров, а абстрактную систему, режим. Это не мешает, однако, традиционной для России персонификации власти, приписыванию всех ее хороших и плохих характеристик первым лицам государства. Есть смысл поэтому более пристально взглянуть в «лица власти», проанализировать, кого граждане к ней причисляют, кому из политиков доверяют, кому симпатизируют.

«Лица власти»

Прежде всего следует отметить удивительно узкий круг названных политиков. Из всей российской политической элиты в 1995 г. набралось 43 человека, к которым наши респонденты испытывают **доверие, симпатию и за которых готовы голосовать**. В 2000 г. таких набралось уже 86 человек; среди них из списка 1995 г. осталось только 20 имен.

Рассмотрим повнимательнее этот «коллективный портрет» власти. Начнем с героев середины 90-х. На первом месте в 1995 г. стоял Гайдар (22 упоминания). Следом за ним шли Явлинский (21) и Жириновский (19); Ельцина, чья популярность на момент проведения исследования была не слишком высокой, вспомнили только 14 человек. Далее с большим отрывом шли Черномырдин, Зюганов, Лужков. Среди постперестроечных политиков, вызывавших у населения чувства доверия и симпатии, назывались имена, уже почти забытые сегодня (Исаков, Кивилиди, Рыбкин, Шумейко, Травкин, Козырев). Читая этот список, невольно вспоминаешь древнее изречение: «Sic transit gloria mundi» («Так проходит земная слава»). В то же время в этом списке оказались политики, например Горбачев, чья популярность не только не снизилась, но спустя пять лет даже укрепились.

«Политическая карта» в сознании опрошенных выглядит несколько стран но: наши респонденты нередко доверяют одним политикам, симпатизируют другим, а голосовать собираются за третьих. Скорее исключением из правила оказываются те, кто называет одного и того же политика в трех номинациях. Чаще мы получали следующие ответы (табл.5).

Из приведенных высказываний видно, что образ власти весьма диверсифицирован. На лицо серьезное расхождение *когнитивных* (доверие), *эмоциональных* (симпатия) и *поведенческих* (готовность голосовать) компонентов. В персонифицированном виде образ власти предстает как противоречивый, невнятный и серьезно препятствует ее поддержке со стороны рядовых граждан.

Как изменился персонифицированный образ власти к 2000 г.? В списке политиков, которые вызывают доверие, симпатию и, что особенно важно для данной темы, оказывают влияние, появилось немало новых лиц. Вне конкуренции Путин: из 241 респондента его упомянули 193. Второй после Путина политик, заслуживший массовое доверие, — политик по имени Никто: ему «доверяют» более трети опрошенных. Следом за ним с большим отрывом идут на равных Березовский и Явлинский, затем — Чубайс и Зюганов, потом упоминаются Лужков, Касьянов, Волошин, Примаков, Хакамада, Кириенко, Немцов, Селезнев, Шойгу и Вяхирев. Остальные публичные политики (спикеры обеих палат парламента, лидеры фракций, руководители партий) всплывают по одному-два раза.

Список тех, к кому граждане испытывают доверие, не совпадает со списком тех, кто вызывает у них симпатию. Среди «симпатичных» можно встретить Ельцина, Горбачева, Хакамаду, Анпилова, Карелина, обоих Рыжковых, Кириенко, И. Иванова, Митрофанова, Е. Киселева и даже Гусинского. Этот список богаче не только по числу имен, но и по разнообразию политических ролей: среди эмоционально привлекательных политиков есть и депутаты, и гу-

бернаторы, и министры, и представители президента в округах, и лидеры партий, и бывшие политики.

Таблица 5

Доверие, симпатия, готовность голосовать за конкретных политиков

Кому из российских политиков Вы доверяете?	К кому испытываете симпатию?	За кого собираетесь голосовать?
Ленину	Ни к кому	За Жириновского
–	К Гайдару	Ельцина
Власову, Румянцеву, Руцкому, Хасбулатову, до некоторой степени Шохину	Власову, Говорухину, Казаннику, Константинову, Болдыреву	Зюганова, за того, кто разбудит народ и заставит поверить ему
Хакамаде, Б.Федорову, Казаннику, Солженицыну, Собчаку	Хакамаде, Кивилиди, Филатову	Жириновского, Лужкова, Черномырдина
Я их всех в гробу видал	Симпатичен Явлинский, так как умный	Ельцина
Ельцину, Гайдару, Козыреву	Попову, Гайдару, Козыреву	Жириновского
Собчаку	–	Жириновского, Черномырдина
Явлинскому	Шумейко	Шахрая

При этом только 10% опрошенных не назвали политиков, которые вызывали бы у них симпатию. Эмоциональный компонент в персонифицированном образе власти у наших граждан представлен достаточно ярко и выпукло, однако даже наиболее одобряемые политики, которым респонденты готовы довериться, не пользуются их симпатией. Эта рассогласованность — плохой признак.

Наиболее примечательные ответы респонденты дали на вопрос, кто из политиков оказывает существенное влияние на ситуацию в России. Большой сенсацией для нас стало то, что самым влиятельным лицом российской политики является вовсе не президент — на первое место были поставлены олигархи. Лишь около половины опрошенных назвали среди самых влиятельных людей страны действующего президента, что для открытого вопроса необычайно много (поясним, что открытым в социологии называется вопрос, на который анкета не предлагает готовых вариантов ответа, его формулирует сам респондент). Следом за Путиным шел Березовский, с отрывом от него — Чубайс и Волошин, Касьянов и Абрамович. Среди публичных политиков несколько раз возникают имена Лужкова, Зюганова и Явлинского. В качестве отдельных групп опрошенные выделили олигархов и администрацию президента, «семью», окружение президента. Наиболее многочисленными после олигархов оказались представители исполнительной власти; законодателей в списке вдвое меньше. Только однажды респонденты вспомнили силовиков. Три раза появились имена представителей СМИ, зато 14 человек назвали очень любопытный источник власти и влияния — «тех, кто находится за кадром». Мы не знаем, кто эти кукловоды, дергающие за ниточки российской политики, но сам факт их упоминания достоин внимания. Среди влиятельных лиц было всего шесть губер-

наторов, что показывает вес региональных политиков в общероссийском властном раскладе. Были названы лишь два человека, чье влияние не носит политического характера, — патриарх Алексей II и писатель Солженицын. Не слишком много для страны, где духовная власть всегда ценилась выше власти политической или власти денег.

По сравнению с ситуацией ельцинского правления перемена произошла весьма существенная: публичных политиков отодвинули те, кто «из тени в свет перелетает», т.е. держатели власти экономической.

Второй неожиданностью стал численный состав действующей власти. В отличие от порядка составления рейтингов политического влияния экспертами службы «Vox Populi» (при котором экспертам дается список для оценки), во время наших опросов респонденты не пользовались никакими подсказками и называли тех, кого вспомнили самостоятельно. Таковых нашлось всего 45 человек, зато какие любопытные фигуры! Так, несмотря на «раскрутку», Гусинского называли в десять раз реже, чем Березовского. Очевидно, в сознании граждан Б.А.Б. прочно занял место «теневого центра власти». В одном ряду с российскими политиками можно встретить Билла Клинтона. Среди держателей власти числятся нефтяные магнаты (Вяхирев), владельцы заводов (Бендукидзе), влиятельные СМИ и только один банкир — Герасенко. В целом картина расклада власти в стране не радует: практически власть не включает ни судебную, ни законодательную ветви. Она не поддается сопоставлению с конституционно определенными процедурами: ведь решения принимаются «за кадром». Похоже, основные рычаги власти — это олигархи и окружение президента. Единственная фигура, как-то удерживающая эту непрочную и нелегитимную конструкцию, — легитимный президент, с которым и связаны надежды на устранение несправедливостей и наведение порядка.

Не случайно граждане испытывают по отношению к власти не самые теплые чувства. Они подозревают, что те, кто стремится к власти, не столько хотят принести пользу обществу (14,2% в 2000 г. по сравнению с 24,9% в 1996 г.), сколько улучшить собственное материальное положение (65,9% и 76,6% соответственно). Наверное, поэтому граждане все менее терпимы к различным властным аномалиям и все больше хотят нормальной, вменяемой власти. Суждено ли сбыться этим надеждам, или они угаснут, не получив подкрепления, зависит уже не столько от образов и имиджей власти, сколько от нее самой. С народом же и его картиной мира, судя по нашим данным, все в порядке: в массовом сознании образы власти вполне адекватны той ситуации, которая сложилась в реальности.